

Киплинг

Доктор медицины

После вечернего чая Дан и Юна, взяв по велосипедному фонарику, стали играть в прятки. Свой фонарь Дан повесил на яблоню, что росла на краю цветочной клумбы в углу обнесенного забором сада, а сам, скрючившись, притаился за кустами крыжовника, готовый мгновенно выскочить оттуда, как только Юна нападет на его след. Он видел, как в саду появился свет и вдруг исчез, потому что девочка спрятала фонарик под плащ. В то время, как он прислушивался к ее шагам, сзади кто-то кашлянул – и Дан и Юна подумали, что это садовник Филлипс.

– Не беспокойтесь, Фиппси! – крикнула Юна через грядку спаржи. – Не истопчем мы ваших грядок.

Дети направили лучи фонарей туда, откуда донесся кашель, и в освещенном кругу увидели человека, похожего на Гая Фокса [*60], в черной мантии и остроконечной шляпе. Рядом с ним шел Пак. Дан и Юна бросились к ним. Человек встретил их словами о каких-то пазухах в их черепах, и только спустя некоторое время они поняли, что он предостерегает их от простуды.

– А ведь вы сами немного простужены, правда? – спросила Юна, потому что в конце каждой фразы человек многозначительно покашливал.

Пак рассмеялся.

– Дитя, – отвечал человек, – ежели небесам угодно поразить меня немощью...

– Брось, брось! – вмешался в разговор Пак. – Эта девочка говорит от чистого сердца. Я ведь знаю, что половина твоих покашливаний – лишь уловка, чтобы обмануть невежественных глупцов. И это очень жалко, Ник, ведь ты достаточно честен, чтобы тебе верили без всяких там покашливаний и похмыкиваний.

– Дело в том, люди добрые, – незнакомец пожал своими худыми плечами, – что толпа невежд не любит правду без прикрас. Поэтому мы, философы и врачеватели, вынуждены в качестве приправы использовать разные уловки, желая привлечь их взоры и... заставить прислушаться.

– Ну, что ты думаешь об этом? – торжественно спросил Пак Дана.

– Я пока не понял, – ответил Дан. – Немного похоже на уроки в школе.

– Что ж! Ник Калпепер [*61] не самый плохой из когда-либо живших учителей. Послушай, Дан, где бы нам тут на воздухе поудобней устроиться?

– Можно на сеновале, по соседству со стариком Мидденборо, – предложил мальчик. – Он не будет возражать.

– Что-что? – переспросил мистер Калпепер, нагнувшись и рассматривая освещенные фонарем цветы черемичи. – Мистер Мидденборо нуждается в моих скромных услугах, да?

– Слава богу, нет, – ответил Пак. – Он всего лишь лошадка, чуть разумнее осла, ты его сейчас увидишь. Пошли!

Их тени запрыгали и заскользили по стволам яблонь. Переговариваясь, они шеренгой вышли из сада и, миновав мирно кудахчущий курятник и загон для свиней, откуда доносился дружный храп, подошли к сараю, где стоял Мидденборо – старый пони, таскающий сенокосилку.

У входа в сарай лежал плоский камень, служивший цыплятам поилкой. Дети поставили на него фонарики, и в их лучах дружелюбные глаза пони сверкнули зелеными огоньками, огоньки затем медленно переместились к сеновалу. Мистер Калпепер нагнулся и вошел в дверь.

– Ложитесь осторожно, – сказал Дан. – В сене полно веток и колючек.

– Лезь! Лезь! – подбодрил Пак. – Ты, Ник, лежал и не в таких грязных местах. Ах! Давайте не терять связь со звездами! – Он толчком распахнул дверь и показал на ясное небо. – Вон видишь? Вон планеты, с чьей помощью ты колдуешь. Что же твоя мудрость подсказывает тебе о той блуждающей яркой звезде, что видна сквозь ветки яблони?

Дети улыбнулись. Вниз по крутой тропке вели велосипед, они узнали бы его из сотни.

– Где? Там? – Мистер Калпепер быстро подался вперед. – Это фонарь какого-нибудь фермера.

– О нет, Ник, – сказал Пак. – Это необычайно яркая звезда из созвездия Девы, клонящаяся в сторону Водолея, который недавно был поражен Близнецами [*62]. Правильно я говорю, Юна?

– Нет, – ответила девочка. – Это из нашей деревни медсестра. Она едет на мельницу навестить недавно родившихся двойняшек. Сестра-а! – крикнула Юна, когда свет фонарика остановился у подножья горы. – Когда можно будет пойти посмотреть двойняшек Морриса? И как там они?

– Может быть, в воскресенье. У них все замечательно! – крикнула медсестра в ответ и, позвонив – динь-динь-динь, – стремительно скрылась за углом.

– Ее дядя – ветеринарный врач в городе Бенбери, – объясняла Юна, – и когда вы ночью звоните к ним в дверь, звонок звенит не внизу, как обычно, а около ее кровати. Она сразу вскакивает – а на каминной решетке всегда стоят наготове сухие ботинки – и едет туда, где ее ждут. Мы иногда помогаем ей переводить велосипед через ямы. Почти все младенцы, за которыми она следит, выглядят отлично. Она нам сама говорила.

– Тогда я не сомневаюсь, что она читает мои книги, – спокойно произнес мистер Калпепер. – Близнецы на мельнице! – бормотал он. – "И изрек он: станьте людьми, сыны человеческие".

– Кто вы – доктор или пастор? – спросила Юна.

Пак даже вскрикнул и перевернулся в сене. Но мистер Калпепер был вполне серьезен. Он отвечал, что он и доктор, и астролог, одинаково хорошо разбирающийся и в звездах, и в лекарственных травах. Он сказал, что Солнце, Луна и пять планет, называемых Юпитер, Марс, Меркурий, Сатурн и Венера, правят всем и всеми на Земле. Эти планеты живут в созвездиях – он быстро начертил пальцем в воздухе некоторые из них – и переходят из созвездия в созвездие, как шашки переходят с клетки на клетку. Так, любя и ненавидя друг друга, они вечно движутся по небу. Если ты знаешь их симпатии и антипатии, – продолжал он, – ты можешь заставить их вылечить своего больного, навредить своему врагу или вскрыть тайные причины событий и явлений. Мистер Калпепер говорил об этих планетах так, будто они были его собственные, или будто он давно с ними сражался. Дети по шею залезли в сено, как в нору, и сквозь открытую дверь долго смотрели на

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

величественное усеянное звездами небо.

Под конец им стало казаться, будто они проваливаются и летят в него вверх тормашками, а мистер Калпепер все продолжал рассуждать о "триадах", "противостояниях", "соединениях", "симпатиях" и "антипатиях" тоном, как нельзя лучше подходившим к обстановке.

У Мидденборо под брюхом пробежала крыса, и он стал бить копытом.

– Мид крыс терпеть не может, – сказал Дан, кидая старому пони охапку сена. – Интересно, почему?

– На это дает ответ божественная астрология, – сказал мистер Калпепер. – Лошадь, будучи животным воинским – она ведь несет человека в битву, – естественно, принадлежит красной планете Марсу – богу войны. Я бы вам его показал, но он сейчас слишком близок к закату. Теперь смотрите: Марс – красный, Луна – белая, Марс – горячий, Луна – холодная, и так далее; поэтому естественно, что между ними возникает, как я уже говорил, антипатия, или, как вы ее называете, ненависть. Эта-то антипатия передается всем существам, находящимся под покровительством той или иной планеты. Отсюда, друзья мои, следует, что лошадь бьет копытом у себя в стойле, что вы видели и слышали сами, под влиянием той же силы, которая приводит в движение светила на вечно неизменном лице небес! Гм-гм!

Пак лежал и жевал какой-то листок. Дети почувствовали, как он трясется от смеха, а мистер Калпепер поднялся и сел.

– Я лично, – сказал он, – спас жизнь людям, и немалому числу, кстати, всего лишь тем, что вовремя подметил (а ведь для всего под солнцем есть свое время), вовремя подметил, говорю, связь между столь ничтожной тварью, как крыса, и этим столь же высоким, сколь и грозным серпом над нами. – Рука Калпепера вычертила полумесяц на фоне неба. – Между тем есть еще кое-кто, – мрачно продолжал он, – кто этого так и не понял.

– Конечно, есть, – подтвердил Пак. – Повидавший жизнь дурак – это дурак из дураков.

Мистер Калпепер закутался в плащ и замер, а дети рассматривали Большую Медведицу, раскинувшуюся над холмом.

– Не торопите его, – сказал Пак, прикрывая рот рукой. – Ник разворачивается медленно, точно буксир с баржой.

– Ну что ж! – неожиданно произнес мистер Калпепер. – Я докажу вам. Когда я был врачом в кавалерийском отряде и сражался с королем, или, точнее, с неким Карлом Стюартом[*63], при Оксфордшире[*64] (а учился я в Кембридже [*65]), чума в окрестностях косила всех подряд. Я видел ее под самым боком. Так что тот, кто говорит, будто в чуме я ничего не смыслю, тот абсолютно далек от истины.

– Мы признаем твои заслуги, – торжественно сказал Пак. – Но к чему этот разговор о чуме в такую прелестную ночь?

– Чтобы подтвердить мои слова. Поскольку чума в Оксфордшире, дорогие мои, распространялась по каналам и рекам, то есть была гнилой по своей природе, она была излечима только одним способом – пациента надо было опустить в холодную воду и затем оставить лежать в мокрой одежде. По крайней мере, именно таким способом я вылечил несколько человек. Заметьте это. Это связано с тем, что случится дальше.

– Заметь и ты, Ник, – произнес Пак, – что перед тобой не твои коллеги медики, а всего лишь мальчик и девочка, да еще я, бедный Робин. Поэтому говори проще и не мудри.

– Если говорить просто и по порядку, я был ранен в грудь, когда собирал буковину, на ручье неподалеку от Темзы[*66]. Люди короля привели меня к своему полковнику, некоему Блэггу или Брэггу, и я его честно предупредил, что провел последнюю неделю среди пораженных чумой. Он велел бросить меня в какой-то хлев, очень похожий на этот, – умереть, как я полагаю; но один из священников ночью пролез ко мне и перевязал мне рану. Он был родом из Сассекса, так же как и я.

– Кто же это? – неожиданно спросил Пак. – Жак Татшом?

– Нет, Джек Маржет, – ответил мистер Калпепер.

– Джек Маржет из Нью-Колледжа? [*67] Этот коротышка весельчак, ужасный заика? Каким же образом судьба забросила его в Оксфорд?

– Он приехал из Сассекса в надежде, что король, умирив бунтовщиков, как они называли нас, армию парламента, сделает его епископом. Люди из его прихода собрали королю изрядную сумму денег в долг, которую король так и не вернул, как не сделал он епископом простофилю Джека. Когда мы с Джеком встретились, он уже успел насытиться по горло королевскими обещаниями и думал только о том, как бы вернуться к своей жене и малышам. Сверх всяких ожиданий, это произошло очень скоро. Как только я оправился от раны и смог ходить, этот полковник Блэгг просто вышвырнул нас обоих из лагеря, объясняя это тем, что мы заразные: я лечил больных чумой, а Джек лечил меня. Теперь, когда король получил деньги, собранные приходом Джека, сам Джек был ему больше не нужен, а меня терпеть не мог доктор из отряда Блэгга, потому что я не мог молча сидеть и смотреть, как он калечит больных (он был членом общества врачей). Поэтому-то Блэгг, повторяю, вышвырнул нас из лагеря, скверно ругаясь и обозвав на прощание чумной заразой, полоумными и вьедливыми прохвостами.

– Ого! Он назвал тебя полоумным, Ник? – Пак аж подпрыгнул. – Да-а, вовремя пришел Кромвель [*68] заняться очищением этой земли! Ну и как же вы с честным Джеком действовали дальше?

– Мы были некоторым образом вынуждены держаться вместе. Я хотел идти к своему дому в Лондоне, а он к своему приходу в Сассексе, но дело в том, что районы Уайлтшира, Беркшира и Гэмпшира были охвачены и поражены чумой, и Джек обезумел от одной мысли, что болезнь могла добраться и до деревни, где жила его семья. Я просто не мог оставить его одного. Он ведь не оставил меня, когда я был в беде. Так что я не мог не помочь ему, да к тому же я вспомнил, что рядом с приходом Джека, в деревне Грейт Уигсел, живет мой двоюродный брат. Так мы и отправились из Оксфорда – кожаный камзол военного под ручку с сутаной пастора, полные решимости не вступать больше ни в какие войны. И то ли потому, что мы выглядели оборванцами, то ли потому, что чума сделала людей более мягкими, – но нас никто не трогал. Нет, конечно, разок нас все-таки засадили в колодки, приняв за мошенников и бродяг. Это случилось в деревне у леса святого Леонарда, где, как я слышал, никогда не поет соловей. Но я вылечил местному констеблю больной палец, и он вернул мне мой астрологический календарь, который я всегда ношу с собой, – Калпепер постучал пальцем по тощей груди, – и мы отправились дальше.

Чтобы не морочить вам голову всякой чепухой, скажу, что мы добрались до прихода Джека. Был вечер, и шел проливной дождь. Здесь наши пути должны были разойтись, потому что я собирался идти к своему брату в Грейт Уигсел; но пока Джек, вытянув руку, показывал мне колокольню своей церкви, мы увидели, что прямо поперек дороги лежит какой-то человек – пьяный, подумал Джек. Он сказал, что это один из его прихожан, Хебден, который до тех пор вел примерную жизнь и не пьянствовал. И тут Джек стал громко ругать себя, называя негодным священником, бросившим свою паству на растерзание дьяволу. Перед деревней был выставлен чумной камень, и голова этого человека лежала на нем.

– Чумной камень? Что это такое? – прошептал Дан.

– Когда в деревне свирепствует чума, соседи закрывают все ведущие в нее дороги, а ее жители выставляют на них или камень с выемкой сверху, или кастрюлю, или сковородку, чтобы люди из пораженной деревни, если хотят купить какие-нибудь продукты, могли бы положить в них деньги, перечень того, что им нужно, и уйти. Потом приходят те, кто готов продукты продать, – чего не сделаешь ради денег! – берут деньги и оставляют столько товару, сколько, по их мнению, на эти деньги полагается. Я увидел четырехпенсовую серебряную монету, валявшуюся в луже, а в руке человека размокший листок с перечнем того, что он хотел бы купить.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Моя жена! О моя жена и дети!" – вскричал вдруг Джек и бросился вверх по холму. Я за ним.

Из-за сарая выглянула какая-то женщина и прокричала нам, что в деревне чума и что мы, если хотим остаться живыми, должны уйти отсюда.

"Любовь моя! – говорит Джек. – Я ли должен уйти от тебя?"

Тут женщина бросается к нему и говорит, что все дети здоровы. Это была его жена.

Когда мы со слезами на глазах воздали благодарность господе, Джек сказал, что он рассчитывал оказать мне совсем не такой прием, и стал убеждать меня бежать оттуда, пока я не заразился.

"Ну уж нет! Накажи меня господь, если я покину вас в такую годину, – возразил я. – Избавление от болезни не только в руках бога, но частично и в моих".

"О сэр, – говорит женщина, – вы врач? У нас в деревне нет ни одного".

"Тогда, дорогие мои, я обязан остаться у вас и трудом оправдать свое звание".

"По-слушай, Ник, – начал, заикаясь, Джек, – а я ведь все время принимал тебя только за свихнувшегося проповедника круглоголовых [*69]".

Он засмеялся, затем засмеялась его жена, за нею я – прямо под дождем нас всех троих охватил беспричинный приступ смеха, который мы в медицине называем припадком истерии. Тем не менее смех ободрил нас. Так я и остался у них.

– Почему ты не отправился дальше, к своему брату в Грейт Уигсел, Ник? – спросил Пак. – Это всего семь миль по дороге.

– Но чума-то свирепствовала в этой деревне, – ответил мистер Калпепер и указал на уходящий вверх холм. – Разве я мог поступить иначе?

– А как звали детей священника? – спросила Юна.

– Элизабет, Элисон, Стивен и младенец Чарльз. Я сначала их почти не видел: мы с их отцом жили отдельно – в сарае для телег. Мать мы с трудом уговорили остаться в доме, с детьми. Она и так намучилась.

А теперь, дорогие мои, я с вашего позволения перейду непосредственно к основной теме рассказа.

Я обратил внимание жителей деревни на то, что чума особенно свирепствовала на северной стороне улиц, ибо там не хватало солнечного света, который, восходя к "primum mobile" – источнику жизни (я выражаюсь астрологически), обладает в высшей степени очистительными и оздоравливающими свойствами. Большой очаг чумы образовался вокруг лавки, где продавали овес для лошадей, другой, еще больший, на обеих мельницах у реки. Понемногу чума поразила еще несколько мест, но в кузнице, заметьте, ее не было и следа. Заметьте также, что все кузницы принадлежат Марсу, точно так же, как все лавки, торгующие зерном, мясом или вином, признают своей госпожой Венеру. В кузнице на Мандей-лейн чумы не было.

– Мандей-лейн? Ты говоришь о нашей деревне? Я так и подумал, когда ты упомянул про две мельницы! – воскликнул Дан. – А где тот чумной камень? Я хотел бы на него посмотреть.

– Так смотри, – сказал Пак и указал на куриный камень-поилку, на котором лежали велосипедные фонарики. Это был шершавый, продолговатый камень с выемкой сверху, весьма похожий на небольшое кухонное корытце. Филлиппс, у которого ничего не пропадало впустую, нашел его в канаве и приспособил под поилку для своих драгоценных курочек.

– Этот? – Дан и Юна уставились на камень и смотрели, смотрели, смотрели.

Мистер Калпепер несколько раз нетерпеливо кашлянул, затем продолжал:

– Я стараюсь рассказывать столь подробно, дорогие мои, чтобы дать вам возможность проследить – насколько вы на это способны – ход моих мыслей. Чума, с которой, как я уже говорил, я боролся в Валлингфорде, графство Оксфордшир, была гнилой, то есть сырой по природе, поскольку она возникла в районе, где полно всяких рек, речушек и ручейков, и я, как уже рассказывал, лечил людей, погружая их в воду. Наша же чума, хотя, конечно, у воды и она сильно свирепствовала, а на обеих мельницах убила всех до единого, не могла быть побеждена таким способом. И это поставило меня в тупик. Гм-гм!

– Ну и что же вы делали с больными? – строго спросил Пак.

– Мы убеждали тех, кто жил на северной стороне улицы, полежать немного в открытом поле. Но даже в тех домах, где чума унесла одного, а то и двух человек, оставшиеся просто наотрез отказывались покидать свой дом, боясь, как бы его не обчистили воры. Они предпочитали рисковать жизнью, но не оставлять своего добра без присмотра.

– Такова природа человека, – усмехнулся Пак. – Я наблюдал такое не раз.

– А как почувствовали себя ваши больные в полях?

– Эти тоже умирали, но не так часто, как те, кто оставался в закрытом помещении, да и умирали больше от боязни и тоски, чем от чумы. Но признаюсь, дорогие мои, я никак не мог одолеть болезнь, потому что никак не мог докопаться хотя бы до малейшего намека на ее происхождение и природу. Короче говоря, я был совершенно сбит с толку зловещей силой и необъяснимостью этой болезни, поэтому я, наконец, сделал то, что должен был сделать намного раньше: я отбросил все свои предположения и догадки, выбрал по астрологическому календарю благоприятствующий час, натянул на голову плащ, прикрыл им лицо и вошел в один из покинутых домов, полный решимости дожидаться, когда звезды подскажут мне разгадку.

– Ночью? И ты не испугался? – спросил Пак.

– Я смел надеяться, что бог, заложивший в человека благородное стремление к исследованию неизведанных тайн, не даст погибнуть преданному искателю. Через некоторое время – а всему на свете, как я уже говорил, есть свое время – я заметил мерзкую крысу, распухшую и облезшую; она сидела на чердаке у слухового окна, через которое светила луна. И пока я смотрел на них – и на крысу, и на луну (а Луна направлялась к древнему холодному Сатурну, своему верному союзнику), крыса с трудом выползла на свет и там прямо на моих глазах подохла. Потом появилась еще одна, видно, из того же стада, она улеглась рядом и точно так же подохла. Еще некоторое время спустя – примерно за час до полуночи – то же произошло с третьей крысой. Все они выползли на лунный свет и умерли в нем. Это меня немало удивило, поскольку, как мы знаем, лунный свет благоприятен, а отнюдь не вреден для этих ночных тварей. Сатурн же, будучи, как вы бы сказали, Луне другом, только усиливал ее зловещее влияние. И тем не менее крысы нашли смерть именно в лунном свете. Я высунулся из окна посмотреть, кто же из небесных владык на нашей стороне, и узрел там славного верного Марса, очень красного и очень горячего, спешащего к своему закату. Чтобы все разглядеть лучше, я вскарабкался на крышу.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

В это время на улице появился Джек Маржет, он направлялся подбодрить наших больных в поле. У меня из-под ноги выскользнула черепица и полетела вниз.

"Эй, сторож, что там происходит?" – вскрикнул Джек печальным голосом.

"Возрадуйся, Джек, – говорю я. – Сдается мне, кое-кто уже вышел нам на помощь, а я, как последний дурак, совсем забыл о нем этим летом". Я, естественно, имел в виду планету Марс.

"Так помолимся же ему тогда, – говорит Джек. – Я тоже совсем его забросил этим летом".

Он имел в виду бога, которого, по его словам, он совсем позабыл тем летом, когда, оставив своих прихожан, отправился к королю. Теперь он нещадно себя за это казнил. Я крикнул ему вниз, что заботой о больных он уже достаточно искупил свою вину, на что он мне ответил, что признает это только тогда, когда больные поправятся окончательно. Силы его были на исходе, причем больше всех в этом повинны были уныние и тоска. Мне и раньше приходилось наблюдать подобное у священников и у слишком веселых от природы людей. Я тут же налил ему полчашки некоей водицы, которая я не утверждаю, что лечит чуму, но незаменима при унынии.

– Что ж это за водица? – спросил Дан.

– Очищенный белый бренди [*70], камфора [*71], кардамон, имбирь [*72], перец двух сортов и анисовое семя [*73].

– Ну и ну! – воскликнул Пак. – Хороша же водица!

– Джек храбро все это проглотил, кашлянул и пошел за мной. Я же направлялся на нижнюю мельницу, чтобы уяснить себе волю небес. Мой ум смутно нащупал если и не средство спасения от чумы, то по крайней мере ее причину, но я не хотел делиться своими соображениями с невежественной толпой, пока я не был уверен до конца. Чтобы на практике все шло гладко, она должна опираться на прочную теорию, а прочной теории, в свою очередь, не может быть без обширнейших знаний. Гм-гм. Итак, Джек со своим фонарем остался в поле среди больных, я пошел дальше. Джек до сих пор продолжал молиться по-старому, что было строго запрещено Кромвелем [*74].

– Тогда тебе следовало сказать об этом своему брату в Уигселе, Джека оштрафовали бы, а тебе отсчитали бы половину этих денег. Как же так получилось, что ты забыл свой долг, Ник?

Мистер Калпепер рассмеялся – впервые за весь вечер. Его смех так походил на громкое ржание лошади, что дети вздрогнули.

– В те дни людского суда мы не боялись, – ответил он. – А теперь, дорогие мои, следите за моей мыслью внимательно, потому что то, что вы сейчас услышите, будет для вас новым, хотя для меня это новым не было. Когда я пришел на опустевшую мельницу, старик Сатурн, только что поднявшийся в созвездии Рыб, угрожал оттуда тому месту, откуда должно было появиться Солнце. Наша Луна спешила Сатурну на подмогу, – не забывайте, что

я выражаюсь астрологически. Я от края до края окинул взором раскинувшееся надо мной небо, моля бога направить меня на правильный путь. В это время Марс, весь сверкая, уходил за горизонт. И в тот момент, когда он уже готов был скрыться, я заметил, что у него над головой что-то блеснуло и занялось огнем – может быть, это была какая-либо яркая звезда, может быть – всплеск пара, – но казалось, будто он обнажил меч и размахивает им. В деревне петухи возвестили полночь, и я присел возле водяного колеса, пожевывая курчавую мяту, хотя эта трава и принадлежит Венере, называя себя глупейшим в мире ослом. Теперь-то мне стало понятно все!

– Что же? – спросила Юна.

– Истинная причина чумы и избавление от нее. Молодчина Марс поработал за нас на славу. Хоть он и не блистал в полнеба, – кстати, именно потому я и упустил его в своих вычислениях, – он более чем какая-либо другая планета хранил небеса. Я имею в виду, что он хоть понемногу, но показывался на небе каждой ночью на протяжении всех двенадцати месяцев. Вследствие этого его горячее и очистительное влияние, соперничающее с тлетворным влиянием Луны, привело к уничтожению тех трех крыс прямо под носом у меня и у их несомненной покровительницы Луны. Я и раньше видел, как Марс, склоняясь на полнеба и прикрываясь щитом, наносил Луне увесистые удары, но впервые его сила оказалась столь неотразимой.

– Я что-то ничего не понимаю. Ты хочешь сказать, что Марс убил крыс потому, что ненавидел Луну? – спросила Юна.

– Конечно, это же ясно как день, – ответил мистер Калпепер. – И сейчас я вам это докажу. Почему в кузнице на Мандейлейн чума не возникла? Да потому, как я вам уже говорил, все кузницы естественно принадлежат Марсу, и конечно же, он не мог уронить свое достоинство, позволив прятаться там тварям, которые подчиняются Луне. Но подумайте сами, не будет же Марс постоянно склоняться к Земле и заниматься охотой на крыс ради ленивого и неблагодарного человечества? Такая работа вогнала бы в гроб даже самую трудолюбивую лошадь. Отсюда нетрудно было догадаться, какое значение имела звезда, вспыхнувшая над Марсом, когда он собирался скрыться. Она словно призывала людей: "Уничтожайте и сжигайте крыс – тварей Луны, ибо именно в них скрыт корень всех ваших бед. И теперь, когда я продемонстрировал вам свое превосходство над Луной, я ухожу. Прощайте!"

– Неужели Марс действительно так и сказал? – спросила Юна.

– Да, именно так, если еще не больше, но только не все имеющие уши могут его услышать. Короче, Марс подсказал мне, что чума переносится тварями Луны. Именно Луна, покровительница всего темного и дурного, и была всему виной. И уже своим собственным скудным умом я додумался, что именно я, Ник Калпепер, несу ответственность за жизнь людей этой деревни, что на моей стороне божий промысел и что я не могу терять ни секунды.

Я помчался на поле, где лежали больные, и попал к ним как раз в то время, когда они молились.

"Эврика! Эврика! Нашел! Нашел! – крикнул я и бросил им под ноги дохлую крысу, я взял ее на мельнице. – Вот ваш настоящий враг. Звезды мне его открыли".

"Мы молимся, не мешай", – отвечивал Джек. Лицо его было бледно, как начищенное серебро.

"Всему на свете свое время, – говорю я. – Если ты действительно хочешь победить чуму, берись и уничтожай крыс".

"Ты совсем спятил", – взмолился Джек, заламывая руки.

Один человек, лежащий в канаве у ног Джека, вдруг завопил, что он скорее предпочтет сойти с ума и умереть, охотясь на крыс, чем валяться в мольбах на сырой земле до самой смерти. Все вокруг одобрительно засмеялись. Но тут Джек Маржет упал на колени и упрямо стал просить бога даровать ему смерть, но спасти всех пораженных. Этого оказалось достаточным, чтобы снова повергнуть людей в состояние безысходности и тоски.

"Ты недостойный пастырь, Джек, – сказал я ему. – Если тебе и суждено умереть до восхода солнца, то хватай дубье (так мы в Сассексе называем палку) и бей крысье. Это и спасет остальных людей".

"Хватай дубье и бей крысье", – повторил он раз десять, как ребенок, а потом они все дружно расхохотались и хохотали до тех пор, пока смех не перешел у них в приступ истерии, о котором я вам уже говорил, – подобный приступ толкает человека на самые непредвиденные

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

поступки. Но по крайней мере, они разогрели свою кровь, а это пошло им на пользу, потому что в это самое время – около часу ночи – огонь жизни в человеке горит тише всего. Воистину, всему на свете есть свое время, и врач должен помнить об этом, ибо в противном случае... гм-гм... все лечение пойдет насмарку. В общем, если быть кратким, я убедил их всех, и больных, и здоровых, наброситься в деревне на крыс, на все их поголовье, от мала до велика.

Кроме того, существовали и другие причины, хотя опытный врач и не станет о них особо болтать. Imprimus, или, во-первых, само это занятие, продолжавшееся десять дней, весьма заметно вывело народ из состояния уныния и тоски. Держу пари, как бы человеку ни было горестно, он не станет ни причитать, ни копаться в собственных мыслях во время вылавливания крыс из-под стога.

Secundo, или, во-вторых, яростное преследование и уничтожение крыс в этой борьбе, само по себе вызвало обильную испарину, или, грубо говоря, люди изошли потом, а с ним вышла наружу и черная желчь [*75] – главная причина недуга. И в-третьих, когда мы собрались вместе сжигать на костре убитых крыс, я обрызгал серой вязанки хвороста, прежде чем поджечь их. В результате все мы хорошенько окурились серным дымом и тем самым продезинфицировались. Мне бы ни за что не удалось заставить их согласиться на такую процедуру, если бы я действовал просто как врач, а так они восприняли окуривание, как некую таинственную ворожбу. Но это еще не все, что мы сделали. Мы очистили, засыпали известью и выжгли сотни забитых отбросами помойных ям и сточных колодцев, выгребли грязь из темных углов и закоулков, куда никто никогда не заглядывал, как в домах, так и вокруг них, и, по счастливой случайности, дотла сожгли лавку торговца овсом. Заметьте, в этом случае Марс противостоял Венере. Вышло так, что Вилл Нокс, шорник [*76], гоняясь за крысами в этой лавке, опрокинул фонарь на кучу соломы...

– А не поднес ли ты Виллу случайно своей слабенькой настойки, а, Ник?

– Всего-навсего стаканчик-другой, ни капли больше. Ну так вот. Когда мы покончили с крысами, я взял из кузницы золу, железную окалину и уголь, а из кирпичной мастерской – полагаю, она тоже принадлежит Марсу – жженую землю. Все смешав, я с помощью тяжелого лома забил получившейся массой крысиные норы, а в домах насыпал ее под пол. Твари Луны не переносят ничего, что использует Марс в своих благородных целях. Вот вам пример – крысы никогда не кусают железо.

– А ваш несчастный пастор, как он ко всему этому отнесся? – спросил Пак.

– Меланхолия вышла у него через поры вместе с потом, и он тут же схватил простуду, которую я ему вылечил, прописав электуарий, или лекарственную кашку, в полном соответствии с лекарским искусством. Если бы я излагал эту историю перед своими коллегами, равными мне по знаниям, я бы поведал им о том достойном внимании факте, что чумный яд преобразовался: вызвал головную боль, хрип в горле и тяжесть в груди, а потом испарился и совсем исчез. В моих книгах, дорогие мои, указано, какие планеты управляют какими частями тела. Читайте их, и тогда, быть может, ваш темный ум просветится, гм-гм. Как бы там ни было, чума прекратилась и отступила от нашей деревни. С того дня, как Марс открыл мне на мельнице причину болезни, чума унесла еще три жертвы, и то две из них уже носили гибель в себе.

– Рассказчик победоносно кашлянул, словно проревел. – Все доказано, – отрывисто выпалил он, – я говорю, я доказал свое первоначальное утверждение: божественная астрология в сочетании с кропотливым поиском истинных причин явлений – в должное время – позволяет мудрым мужам сражаться даже с чумой...

– Неужели? – удивился Пак. – Что касается меня, то я придерживаюсь того мнения, что наивная душа...

– Это я? Наивная душа? Ну уж воистину! – воскликнул мистер Калпепер. – ...очень наивная душа, упорствующая в своих заблуждениях, но обладающая высоким мужеством, трудолюбием и здоровым самолюбием, могущественнее всех звезд, вместе взятых. Так что я искренне убежден, что спас деревню ты, Ник.

– Это я упорствующий? Я упрямый? Весь свой скромный успех, достигнутый при божьем благоволении, я отношу за счет астрологии. Не мне слава! А ты, Робин, почти слово в слово повторяешь то, что говорил на своей проповеди этот слезливый осел, Джек Маржет. Перед отбытием к себе, на улицу Красного Льва, я был на одной его проповеди.

– А-а! Заика-Джек читал проповедь, да? Говорят, когда он поднимается на кафедру, все заикание у него пропадает.

– Да, и все мозги в придачу. Когда чума прекратилась, он прочитал полную преклонения передо мной проповедь, для которой взял следующую строчку[*77]: "Мудрец, избавивший город". Я бы мог предложить ему иную, лучшую: "Всему под солнцем есть..."

– А что толкнуло тебя пойти на эту проповедь? – перебил его Пак. – Ведь вашим официально назначенным проповедником был Вейл Аттерсол, вот ты и слушал бы его нудные разглагольствования.

Мистер Калпепер смущенно дернулся.

– Толпа, – сказал он, – дряхлые старухи и малые дети, Элисон и другие, они втащили меня в церковь буквально за руки. Я долго не мог решиться, доносить ли на Джека или нет. Ведь то, что он называл проповедью, было не лучше уличного балагана. Я легко мог бы доказать всю ложность его так называемой веры, которая, основываясь исключительно на пустых баснях древности...

– Говорил бы ты лучше о травах и планетах, Ник, – сказал Пак, смеясь. – Ты должен был сообщить о нем вашему магистрату, и Джека оштрафовали бы. Так почему же ты все-таки этого не сделал?

– Потому что, потому что я сам на коленях припал к алтарю, и молился, и плакал со всеми. В медицине это называется приступом истерии. Может быть, может быть, это и была истерия.

– Да, возможно, – сказал Пак, и дети услышали, как он завозился на сене. – Послушайте, в вашем сене полно веток! Неужели вы думаете, что лошадь станет кормиться листьями Дуба, Ясеня и Терновника? А?

Примечания:

59. В этой сказке Киплинг подсмеивается над рассуждениями астрологов. Астрология – ошибочное учение о якобы существующей связи между расположением небесных светил и различными событиями и судьбами людей. Астрологи верят, что можно предсказать судьбу человека по расположению планет и знаков Зодиака в час его рождения. Зодиак – это пояс на небе, с расположенными на нем двенадцатью созвездиями (знаками Зодиака). Нам кажется, что планеты и Солнце движутся по поясу Зодиака среди неподвижных звезд. Еще в древности было установлено, что пребывание Солнца в той или иной части пояса Зодиака связано с чередованием времен года, разливами рек. Именно это и послужило источником идеи о связи небесных светил и земных событий.

60. Гай Фокс – участник знаменитого порохового заговора 1605 года. Заговорщики собирались взорвать здание парламента, но заговор был раскрыт и Гай Фокс повешен. С тех пор день раскрытия заговора, 5 ноября, отмечается ежегодно. На улицах устраивают фейерверки, жгут костры и обязательно сжигают чучело Гая Фокса.

61. Николас Калпепер (1616 – 1654) – историческое лицо, автор ряда книг по астрологии и медицине. Изучал лечебные свойства трав.

62. Дева, Водолей, Близнецы, Рыба – созвездия, а также знаки Зодиака.

63. Ник Калпепер рассказывает о событиях английской буржуазной революции – Гражданской войне 1642 – 1646 годов, о борьбе между

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

армией короля Карла I Стюарта и армией парламента.

64. Город Оксфорд, графство Оксфордшир – место ставки армии короля, находился в его руках всю войну.

65. Кембридж – один из двух старейших университетов в Англии. Основан в 1206 году.

66. Темза – главная река Англии (334 километра. Протекает через Оксфорд).

67. Нью-Колледж – часть Оксфордского университета, старейшего в Англии. Один из двадцати одного колледжа. Основан в 1379 году.

68. Кромвель Оливер (1599 – 1658) – один из наиболее выдающихся вождей английской революции, командующий армией парламента, затем – лорд-протектор страны.

69. Круглоголовые – прозвище солдат армии Кромвеля, по характерной короткой прическе.

70. Бренди – алкогольный напиток.

71. Камфора – лекарственное вещество, возбуждает нервную деятельность.

72. Кардамон, имбирь – травы, пряности и лекарственные средства.

73. Анисовое семя дерева баньян содержит эфирное масло.

74. В Английской буржуазной революции борьба политическая выступала как борьба религиозная. Выступление против старых феодальных порядков, которые защищал король, сопровождалось выступлением против старой англиканской церкви, которая поддерживала короля. Джек Маржет, сторонник короля, принадлежал именно к этой церкви.

75. По представлению средневековой медицины, в организме человека было четыре вида влаги – жидкости, как компонентов живого тела: кровь, флегма, желчь и черная желчь, или меланхолия.

76. Шорник – мастер, делающий упряжь для лошадей.

77. В качестве темы для проповеди обычно берется та или иная строка из Библии, священной религиозной книги.

78. Крестами отмечались дома, пораженные чумой.